

От переводчицы книги Владимира Проппа
«Морфология волшебной сказки»

ЛИЗ ГРЮЭЛЬ-АПЕР

ОТ КРЕСТЬЯНОК
ДО ЦАРИЦ

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

Лиз Грюэль-Апер

**От крестьянок до цариц.
Женщины в истории России**

«Азбука»

2007

УДК 94(47)+39+392+396
ББК 63.3(2)

Грюэль-Апер Л.

От крестьянок до цариц. Женщины в истории России / Л. Грюэль-Апер — «Азбука», 2007

ISBN 978-5-389-32842-6

Крестьянки, выдающиеся политики, интеллектуалки, революционерки и нигилистки... Их голоса звучали на протяжении всей истории – тихо или громко, но – всегда уверенно. Они воспевались в народных песнях, о них слагали легенды, в их честь возводились культы, назывались праздники, получали наименования улицы. Так или иначе, женщины навсегда оставили свой след в истории. В стремлении раскрыть детали коллективного портрета женщин разных эпох – от древнерусской крестьянки до императрицы Екатерины II, от первых княгинь X века до жен декабристов и нигилистов XIX столетия – Лиз Грюэль-Апер предлагает свой уникальный взгляд на быт русской женщины. В этой книге вы узнаете не только о социальном и правовом положении женщин, но также о многочисленных предрассудках и сложностях, с которыми женщины сталкивались на протяжении разных периодов русской истории. «Половина человечества – это женщины (чуть больше половины), как бы банально это ни звучало. Воссоздать историю женщин, неверно изложенную консервативными историками прошлого, – это огромная и важная задача, об этом следовало бы написать отдельную энциклопедию. Невозможно было рассказать обо всем, упомянуть всех интересных женщин. Наша цель была скромнее: набросать как можно более приближенную к реальности картину и обратить внимание читателя на привилегированное положение русских женщин». (Лиз Грюэль-Апер).

УДК 94(47)+39+392+396

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-389-32842-6

© Грюэль-Апер Л., 2007

© Азбука, 2007

Содержание

Введение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лиз Грюэль-Апер
От крестьянок до цариц.
Женщины в истории России

Lise Gruel-Apert
De la Paysanne À la Tsarine

Published by permission of the Proprietor and literary agents, Cristina Prepelita Chiarasini (France) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Научный редактор Анна Белова, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра гендерных исследований ИЭА РАН

© Éditions Imago, 2007
© Гусакова Е. Е., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

Введение

Говоря о традиционной России, мы подразумеваем страну, состоящую из огромной массы крестьян (90 % населения), малочисленной, но обладающей властью знати, а также небольших групп купцов, ремесленников, чиновников, представителей духовенства, – такой Россия была еще в XIX веке, до начала индустриализации. Зачастую эту Россию изображают «патриархальной», хотя один автор обнаружил там матриархат¹. В действительности, если, с одной стороны, в этой стране жили всемогущие царицы XVIII века, то с другой – несчастные «затворницы терема», которые в XVI веке, по всей видимости, жили взаперти в пределах дома и в ожидании своего хозяина и господина. Итак, Россия – страна властных женщин или женщин угнетенных? Как в этом разобраться? И прежде всего, какой смысл придать этим словам и реальности, которую они отражают? Вот уже много лет мы задаемся этим вопросом и пытаемся ответить на него в этой книге.

Факты, а также библиография, которую нам удалось найти, огромны, и в этой книге собрано их подавляющее большинство. Были обнаружены порой самые противоречивые данные. Мы отказываемся рисовать однозначную и гармоничную картину. Необходимо будет поподробнее остановиться на некоторых определениях, таких как фундаментальное понятие «русский», а также на устаревших, но все еще сбивающих с толку понятиях «матриархат» и особенно «патриархат». Мы будем опираться на самые разнообразные факторы, способные исказить друг друга (географический, этнический, исторический и другие). Многие из них имеют общие точки пересечения.

В данном труде были использованы все доступные нам источники – как устные, так и письменные. Важную роль играет образ Женщины, сформировавшийся в истории, устном народном творчестве и русской литературе. И здесь необходимо отличать образ Женщины, созданный мужчинами (историками или писателями), от образа, созданного самими женщинами (к примеру, в некоторых жанрах устной словесной традиции). Оба образа неизбежно вводят в заблуждение и по разным причинам вызывают недоверие. В противовес этому, если какой-то женский образ присутствует в мировоззрении обоих полов, а значит, в мировоззрении всего общества (например, равнозначность понятий Земля/Мать среди крестьян), мы придаем ему большее значение, ведь он трансформируется в «общее мнение», имеющее более сильное психосоциологическое воздействие, чем текст, сочиненный в кабинетной тиши.

Мы не обходим стороной и фундаментальные письменные источники, например юридические документы («Русская Правда»², XI в.) или же нормативные тексты («Домострой», XVI в.), не преувеличивая область их применения, ведь речь идет об эпохе всеобщей безграмотности, когда большая часть населения жила в соответствии с правовым обычаем.

Учитывая вероятность заблуждений, присущих мышлению мужчины из прошлого (историка, монаха или писателя), нужно принимать во внимание, что современный исследователь тоже может заблуждаться, поддаваясь модным веяниям своего времени. И здесь мы подходим к главной проблеме: отсутствию четкой разницы между женскими образами и реальными женщинами, описанными при жизни. Эта разница была выявлена совсем недавно, благодаря вмешательству женщин-исследовательниц. Современные исследования, инициированные женщинами (представительницами феминистских движений), действительно позволили сильно продвинуться в том, что касается женского вопроса. В России данными исследованиями зани-

¹ Gasparini E. Il Matriarcato slavo. Venice, 1963.

² Сборник правовых норм Киевской Руси, один из основных письменных источников русского права. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

мается Наталья Пушкарёва, в США аналогичную работу ведет Барбара Альперн Энгель³, а во Франции – Мишель Перро⁴. Тем не менее могут появиться новые стереотипы мышления, и тогда нам придется поговорить об этом снова.

Вернемся к факторам, на которые мы ссылались и которые мы должны учитывать в нашей работе.

- Исторический фактор: в целом, женщины пользовались более широкими правами в сравнении с другими странами, кроме, возможно, конкретного периода – эпохи Московской Руси (XVI–XVII вв.), отмеченной непростым избавлением от монгольского ига, усилением позиций Церкви и авторитарной централизацией Государства.

- Географический фактор: Север более благоприятен для женщин, нежели Юг. Возможно, это связано с иными климатическими и экономическими условиями, то есть с другими условиями жизни, а также с отличиями между этническим окружением русских на Севере и на Юге, а значит, с разной региональной историей.

- Этнический фактор: Россия, даже в узком определении, состоит из множества этносов, которые смешались с так называемыми русскими, оказав на них влияние.

- Классовый фактор: до XX века все женщины и мужчины принадлежали к двум основным классам – крестьянству и дворянству, к которым примыкали некоторые прослойки населения. К крестьянству относились ремесленники, мелкие городские торговцы, иногда мелкое провинциальное дворянство. Что касается знати в больших городах, к ней относились высшие сановники, крупные купцы, торгующие с границей.

- Религиозный фактор: вероятно, в эпоху Московской Руси Православная церковь способствовала затворничеству дворянок. В другие периоды истории ее влияние оценивается нами скорее как амбивалентное, нежели негативное; во многих случаях церковь вставала на защиту, если не женщин в целом, то матерей. Но, кроме Православной церкви (официальной или нет, ведь в России существуют и старообрядцы⁵), в этой многоэтнической стране распространены другие религии (из основных – ислам, буддизм, иудаизм), а также пережитки язычества. Тем не менее, именно Православная церковь сыграла объединяющую роль на национальном уровне.

- Юридический фактор зачастую защищал женщин, но, в свою очередь, зависел от социального и этнического. Если крупные города подчинялись писаным законам, то в провинции (в деревнях) действовал правовой обычай. Нужно понимать, идентичны ли друг другу письменный закон и правовой обычай или расходятся.

- Индивидуальный фактор: внутри семейства, как правило, есть угнетатели и угнетенные. Женщины/матери вполне могли, как мы увидим, принадлежать к первой категории.

Безусловно, упомянутые нами факторы взаимодействуют, усиливают взаимное влияние, а также противостоят друг другу. Случается также, что исследователи пренебрегают остальными факторами, сосредотачивая свое внимание на одном. Аналогичным образом письменные и устные источники, писаный закон и правовой обычай могут вторить друг другу или противоречить.

Как два основных класса, составляющих основу российского общества, вписаны в историю России?

³ Барбара Альперн Энгель (род. 1943) – американский историк-русист, специалист по женской истории в России и русской культуре.

⁴ Мишель Перро (род. 1928) – французский историк, профессор современной истории Парижского университета Дидро. Изучала историю рабочих движений и училась у таких видных ученых, как Эрнест Лабрус, Мишель Фуко и Робер Бадентер. Является активисткой в области женской истории и гендерных исследований во Франции.

⁵ Старообрядцы – православные, которые не приняли реформу патриарха Никона в XVII веке и объединились в религиозные секты традиционалистов, некоторые из которых были сосланы.

Из века в век верное себе крестьянство подчиняется аграрным обычаям, семейным традициям, правовому обычаю и так далее. Если часть этого общества оказывается эксплуатируемой дворянством или государством, обедневшей, иногда перемещенной, то подавляющее большинство остается до XX века во власти традиций. Леви-Стросс называет такое общество холодным, почти не тронутым историей.

Что касается знати, она теснее связана с общим историческим процессом. Хотя и с отставанием, но на нее оказывал влияние Запад, она стремительно эволюционировала в городах и чуть медленнее в деревнях. Знать эксплуатировала крепостных, путешествовала, бунтовала, эмигрировала, растворялась в других сословиях. Это горячее общество, охваченное историческими процессами. Однако до конца XIX века русской знати удавалось сохранять свои традиции.

В конце XIX века крестьяне массово переезжают в города и становятся рабочими. Появляются новые сословия. Если в деревенской глубинке традиции остаются неизменными, то дворянство, наоборот, переживает глубокие потрясения. Этим фактом объясняется наш выбор: сначала мы рассмотрим жизнь «крестьянок», а затем – «привилегированных сословий». Ввиду численного превосходства крестьянства в XIX веке будет справедливо начать с него.

В каждой части мы попытаемся охарактеризовать ситуацию с женским вопросом, выявить влияние на него основных факторов и составить несколько типичных женских портретов.

Но прежде чем перейти непосредственно к анализу, подробнее рассмотрим некоторые понятия: с одной стороны, нас интересует смысл термина «русский», с другой – «патриархат». Эти понятия будут часто использоваться на протяжении всего исследования.

Термин «русский» часто использовался в истории, чтобы обозначать самые разные нерусские этносы, которые вобрало в себя центральное русское государство. Уже в XV веке Ивана III называли «Собирателем земель русских». Хотя эти многочисленные «русские земли» не были русскими, то есть на них не проживали русские. Напомним, что после покорения Новгорода произошло присоединение Севера России, населенного финно-угорскими племенами; присоединение Казани и земель, населенных татарами; Иван IV начал завоевание Сибири; присоединение Крыма и взятие под протекторат Грузии при Екатерине II; завоевание Центральной Азии в конце XIX века.

Разумеется, мы ограничимся чисто русской территорией. Но даже в рамках ее границ разнообразие удивительное. Приведем два примера, относящихся к XIX веку: изучая Самарский уезд, Евгения Всеволожская⁶ отмечает, что он был населен украинцами, поляками, литовцами, немцами, татарами, мордвой, чувашами с их разнообразными верованиями; говоря о Саратовской губернии, Александр Минх⁷ выявляет присутствие домохозяйств русских, украинцев, немцев, финно-угров.

В целом, взаимное влияние так называемых русских и других этносов очень важно для нас. На практике, однако, невозможно проанализировать отношения между мужчинами и женщинами в каждом существующем этносе, тем более подобное исследование далеко не исчерпывающее. Проще говоря, мы не исключаем возможности использовать в нашем исследовании те или иные данные о коренных этнических группах, если представится удобный случай.

Более сложной является проблема патриархата. Прежде всего, что подразумевается под этим термином? Использование слов «патриархат»/«патриархальный» ставит, в действительности, серьезную проблему, обусловленную тем, что они используются в двух или трех разных смыслах, а носители языка не всегда осознают эти отличия. Это приводит в большинстве слу-

⁶ Всеволожская Е. Очерк крестьянского быта Самарского уезда // Этнографический журнал, I, XXIV, 1895.

⁷ Минх А. Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии, XIX, 1890.

чаев к неразберихе, связанной со значением этих слов, а значит, и с конкретным вопросом, который нас интересует: существует ли в России патриархат в том смысле, в котором это слово используется во французском языке? Приведу примеры. Пьер Паскаль, издавший в 1950 году театральную пьесу Островского «Гроза», пишет в предисловии: «Действие происходит в доме патриархального семейства Кабановых». Вся пьеса построена на отношениях между вдовой свекровью и ее невесткой, причем именно свекровь управляет всем в доме и своим авторитарным, даже тираническим характером подталкивает невестку к самоубийству. Кабанова, которую Паскаль по ошибке называет «старой дурой», – это типичная фигура матриарха, которой все должны уступать (не только невестка, но и сын). В России образ Кабановой вошел в историю. Мы имеем дело с матриархом в патриархальной семье: вот такая дилемма, и все же, о каком патриархате идет речь?

Не только русскоязычные авторы⁸, но и англо-американские приходят в замешательство. Так, Ричард Стайтс⁹, говоря об эмансипации русских женщин в XIX веке¹⁰ в главах, посвященных традиционной России, выделяет две пословицы Даля: «Курица не птица, а баба не человек» и «Волос долог, а ум короток», – пословицы, которые, как ему кажется, емко выражают отношения мужского и женского (или, если следовать американской терминологии, гендерные отношения) в обществе. Но можно процитировать другие пословицы Даля с противоположным смыслом: «Бил жену денечек, сам плакал годочек», «Не то смешно – жена мужа бьет; а то смешно, что муж плачет». Здесь мы видим, до какой степени опасна предвзятость, выстроенная на якобы «мизогинных» русских пословицах, а также на идее о так называемой патриархальной традиционной России!

Примеров подобной путаницы бесчисленное множество. Все это дает нам вескую причину углубиться в смысл терминов. Хороший способ разрешить это противоречие о ложных друзьях, которые, переходя из одного языка в другой, меняют смысл самым коварным образом, – это, для начала, обратиться к словарям.

Неоднозначность понятий «патриарх»/«патриархат» связана с тем, что в культурном отношении прослеживается два источника происхождения этих слов: латынь и греческий язык. Согласно латинской традиции, восходящей к Античности, смысл такой: «предводитель общины»/«власть отца». Согласно греческой православной традиции, это «глава православной церкви»/«резиденция главы». В основе искажения лежат некорректно воспринимаемые смысловые отличия.

В русском языке прилагательное «патриархальный» является наиболее употребляемым. С одной стороны, это слово наделено приведенными выше смыслами, но с другой – у него имеется более распространенное значение: «соответствующий старинным нравам, чуждый прогрессу цивилизации, ретроградный». Отсюда эта фраза: «В семьях сохранился почти патриархальный уклад: бани по субботам, пироги по воскресеньям, блины на Масленой¹¹ и кислая капуста в “чистый понедельник”»¹². Итак, русское прилагательное «патриархальный» чаще понимается как «традиционный», нежели его французский эквивалент¹³. Тогда неудивительно

⁸ Далее следует множество примеров.

⁹ Ричард Томас Стайтс (1931–2010) – историк русской культуры и профессор исторических наук Джорджтаунского университета. Свою докторскую диссертацию посвятил женскому вопросу в контексте русской истории («Русские женщины во время правления Александра II»).

¹⁰ Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1978.

¹¹ Имеется в виду Масленица, Масленая неделя. – *Прим. науч. ред.*

¹² Щенкина-Куперник Т. Л. *Театр в моей жизни*: цит. из Академического словаря русского языка. М., 1983.

¹³ См. также распространенное абсурдное выражение в русском языке: «Жена – страж патриархата». Нет конечно: женщина – хранительница традиции. См. статью *Всеволодской Е.* («Очерк крестьянского быта Самарского уезда»), в котором «патриархальная жизнь» используется как синоним «старых нравов». Приведем также удивительный пример из рассказа братьев Соколовых (*Соколов Б., Соколов Ю.* *Сказки и песни Белозерского края*. М., 1915). Они описывают одного крестьянина следующим образом: «У него патриархальные взгляды: он не хочет верить, что земля вращается, и не понимает, что в школе

ни то, что матриарх может стоять во главе традиционной семьи, ни то, что традиционный уклад предполагает поедание блинов на Масленицу. Вот где лежит противоречие, которое нас волновало: Кабановы были семейством, соблюдавшим старинные традиции, во главе которого стояла женщина. Это ставит новую проблему, а именно вопрос существования матриархата. Мы попытаемся найти ответ.

Итак, раз уж мы решили обратиться не столько к терминам, сколько к их содержанию, кратко рассмотрим, чем был так называемый патриархат в латинском смысле этого слова на его классической родине – в Древнем Риме. Женщина, будь она дочерью, женой или вдовой, воспринималась как вечная несовершеннолетняя. В браке *cum manu*¹⁴ она юридически становилась дочерью своего мужа и сестрой собственных детей. Овдовев, она не имела права ни наследовать, ни становиться опекуном своих детей – сама оказывалась под чьей-либо опекой. Наследование ей тоже было недоступно¹⁵. Мы еще не раз покажем, что в России все обстояло совсем иначе.

Таким образом, чтобы не попасть в ловушку одного слова, мы по возможности будем избегать употребления термина «патриархальный» и использовать его эквиваленты (традиционный, воспевающий прошлое и т. д.).

Априорных установок по женскому вопросу всегда было в избытке. Как правило, это либо редуционистский взгляд, сводящий женщин к объекту – так обстояло дело, в частности, во Франции вплоть до недавнего времени, – либо их идеализация, не всегда обоснованная.

Самый поразительный пример второго случая – Иоганн Бахофен¹⁶ и другие авторы, на которых он оказал влияние. В конце прошлого века некоторые русскоязычные мыслители слепо следовали этой тенденции¹⁷. Но идеализация так же губительна, как и презрение, по той простой причине, что ни то ни другое не может отобразить реальность.

Если подавляющее большинство этих идей оказалось ложным или лишь частично верным, то это потому, что они исходят от очень маскулинистской точки зрения, смешивающей образ Женщины и реальных женщин, и получают развитие в двух одинаково искаженных концепциях: либо женщины-матери, либо женщины-объекты.

С тех пор благодаря феминистским движениям появилось множество инициатив: порвать со всеми стереотипами мышления, поставить женщину-субъект в центр ее интересов и, наконец, продемонстрировать относительность модели мужское/женское в разных обществах. Здесь мы коснемся концепции «гендера», то есть идеи изучить взаимодействие мужского и женского в том или ином обществе и зависимость от целой серии факторов (как те, которые мы упомянули выше). Мы увидим зыбкость и изменчивость этих отношений.

Давайте вернемся к русскоязычным авторам, которые с середины XIX века скорее слепо идеализировали женщину, нежели обесценивали ее. На протяжении всей истории России многие женщины оказывались в центре внимания. Известно, что женская история начинается в X веке с фигуры киевской княжны Ольги, первой законодательницы и первой христианки. Этими титулами ее одарили летопись и Православная церковь. Другая известная женщина, о которой хвалебным образом отзывался петербургский историк Николай Карамзин, была Марфа Борецкая. В начале XIX века Карамзин попытался реабилитировать ее образ, очерненный другими историками.

Раз необходимо подчеркнуть, до какой степени XVI и XVII века были неблагоприятны к знатным дамам (единственные антифеминистские русские тексты датированы этим

преподают подобную чушь». Другими словами, не признавать, что земля вращается, – патриархальная концепция (!).

¹⁴ *Cum manu* дословно «с рукой» (то есть под контролем мужа или во власти мужа).

¹⁵ *Gourevitch D.*, Raepsaet-Charlier m.-th., *La Femme dans la Rome antique*. Paris: Hachette Littératures, 2001.

¹⁶ Иоганн Якоб Бахофен (1815–1887) – швейцарский ученый, этнограф, юрист, антиковед, религиовед, активно развивал теорию социальной эволюции, науки о родстве, семье.

¹⁷ Например, *Шапков С. С.* История русской женщины. СПб., 1872.

периодом), то не стоит забывать, что реформы Петра I сделали возможной последовавшую эпоху женской власти. XVIII век стал веком императриц: совершенно оправданно, что у слова «власть» в русском языке женский род. Современные историки (Евгений Анисимов) в своих работах реабилитировали цариц, которые были недооценены сначала царскими историками, затем советскими.

Начиная с третьей четверти XIX века такие авторы, как Даниил Мордовцев, старательно описывали судьбы русских известных женщин. Были опубликованы и другие монографии, специализировавшиеся на конкретном периоде¹⁸ или на той или иной группе женщин¹⁹.

Этнографические исследования правового обычая, семьи и роли женщины в крестьянской семье датированы второй половиной XIX века и началом XX века (Довнар-Запольский²⁰, Андрей Пономарёв и т. д.) и чаще иллюстрируют юридическое или, как минимум, фактическое равенство между мужчиной и женщиной.

В общих чертах, точка зрения русских историков и этнографов, пишущих о женщинах, зачастую меньше зависела от их анти- или профеминистской личной позиции, чем от идеологии, прогрессистской или реакционной, клерикальной или советизированной. Так, верующие авторы XIX века думали, что быть исключенной из социальной жизни для женщины – благо, так как это позволяет ей полностью реализоваться в жизни семейной. Сторонники «прогрессизма», в свою очередь, пытались продемонстрировать степень эксплуатации женщины, чтобы вызвать возмущение читателей (и особенно читательниц) против царского обскурантизма. И все же они первые²¹ создали довольно последовательную периодизацию положения женщины сквозь столетия русской истории и заинтересовались судьбами крестьянок. Советский период мало поощрял подобные исследования, исходя из установки нового режима о том, что он радикально изменил положение женщин – несчастных жертв царизма и капитализма.

Другими словами, идея, в соответствии с которой русскую женщину «рабыню раба»²² всегда эксплуатировали, частично не соответствует реальности; эту идею продолжали воспроизводить и в ретроградных кругах, которые воспринимали подобное положение дел как неизбежность (ведь такова была судьба женщины), и в «прогрессистской» среде, которая пыталась вызвать возмущение современниц. Например, Николай Добролюбов²³ называл эпоху царской Руси лишь «царством тьмы» для женщин. Оба варианта кажутся нам утрированными и мало научными.

Прошло много времени, и, наконец, в России, с одной стороны, и в США, с другой стороны, исследователи (среди них большинство женщин) пытаются обратиться к сложной проблеме отношений мужского и женского, пытаясь быть объективными.

Великобритания и США переживают расцвет гендерных исследований. За последние десятилетия о русских женщинах было опубликовано большое количество статей, одна антология и две хорошо документированные книги – Ричарда Стайтса и Барбары Альперн Энгель. Это серьезные исследования, однако же и там присутствует замеченное нами заблуждение, вызванное понятием «патриархальный», что зачастую сводит на нет результаты исследования или делает их непоследовательными.

¹⁸ О царицах XVI и XVII веков – *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1901, 1992, 1-е издание 1869 г.

¹⁹ О женах декабристов, *Кайдаш С.* Сильнее бедствия земного. М., 1983.

²⁰ Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867–1934) – русский, советский и белорусский историк, этнограф, фольклорист, экономист, основоположник белорусской национальной историографии.

²¹ *Шапков С. С.* История русской женщины.

²² *Leroy-Beaulieu Anatole*, L'Empire des tsars et les Russes. Paris: Robert Laffont, Bouquins, 1990 (1re édition 1898).

²³ *Добролюбов Н. А.* Темное царство // Современник, 1859.

Даже во Франции были опубликованы работы, освещающие женский вопрос в России, например труды Воле²⁴ о XIX веке, монографии о той или иной известной женщине (Екатерине II, Софьи Ковалевской и т. д.), несколько сборников и отдельных статей. Всего этого недостаточно. Пора приступить к общему анализу проблемы.

Предложенный вниманию читателя труд охватывает далеко не все аспекты проблематики, тема слишком широка, а женский вопрос касается всего общества. Нужно учесть данные обо всех сословиях, политических, социальных, религиозных движениях, принимая во внимание общую нехватку сведений и большое количество лакун. Итак, будем скромны.

В той части книги, которая посвящена крестьянкам, речь пойдет о XIX – начале XX века: сведений о предыдущей эпохе недостаточно, а изучать советских крестьянок не входило в наши планы. Тем не менее в данном случае разграничение обществ на горячее и холодное вполне обосновано: первое тесно связано с историей, а второе – с традицией. Если конец XIX века – переломный период в истории России, этот перелом не столь очевиден для крестьянства, которое продолжает, особенно в отдаленных регионах, воспроизводить традиционную модель уклада. Датировка некоторых свидетельств и документов может появиться с опозданием. Анализ крестьянского уклада, сделанный на основе статей из этнографических журналов, – новаторская часть нашей работы. До сих пор труды, посвященные русским женщинам, включая англо-американские работы, были посвящены скорее привилегированным сословиям.

В разделе о привилегированных сословиях акцент сделан на письменном праве, а также на менталитете разных эпох, мы попытаемся оживить исторических деятелей, начиная с самых основ российского государства, и очертить проблемы эмансипации соответствующих периодов истории. Повествование в первой части останавливается примерно на 1880 году – даты, отметившей начало индустриализации и закат традиционной России.

²⁴ Элен Воле-Жаннере – французский ученый, историк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.